

Понятие криминалистической характеристики преступлении

Әдебиеттер:

1. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иногамова-Хегай. - СПб., 2003.
- . Калугин В.Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ / В.Ю. Калугин. - Минск, 2002.
- . Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А.Г. Кибальник. - СПб., 2003.
- . Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития / Н.И. Костенко. - М., 2002.
- . Костенко Н.И. Международное уголовное право. Современные теоретические проблемы / Н.И. Костенко. - М., 2004.

1.1 Понятие криминалистической характеристики преступлении

Вопрос об общественной опасности определенных деяний в рамках международного права возник в связи с вооруженными конфликтами, наносящими непоправимый ущерб государствам и всему мировому сообществу. Такие наиболее серьезные нарушения международного права, как агрессия, уничтожение целых наций и народов, противоправное ведение военных действий и т.п., совершаются, прежде всего, по воле конкретных лиц, и поэтому установление на международном уровне уголовной ответственности за их совершение необходимо для обеспечения международного мира и правопорядка. Преступность в настоящее время выходит за пределы одного государства и приобретает транснациональный характер. Порождаемая ею угроза столь существенна для международного сообщества, что вызывает потребность в объединении усилий субъектов международного права в борьбе с ней. Необходимость борьбы с подобными явлениями привела к формированию международного уголовного права, являющегося одной из новых отраслей международного публичного права. Международно-правовое регулирование в данной сфере приобрело признаки, характеризующие его в качестве отрасли, сравнительно недавно. Однако становление международного уголовного права происходило в течение длительного периода времени и прошло несколько этапов - от первых национальных судебных прецедентов, принятых в далеком прошлом, подготовки отдельных внутригосударственных нормативных правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение обычаев войны, совершение преступлений против человечности, доктринальной разработки проблем борьбы с наиболее тяжкими международными или носящими международный характер правонарушениями до закрепления материальных и процессуальных норм в международных договорах и создания системы международной уголовной юстиции. Одним из первых известных судебных разбирательств является состоявшийся в 1474 г. процесс над германским военачальником Петером фон Хагенбахом, по приказу которого совершались убийства, изнасилования, произвольное изъятие частной собственности, незаконное налогообложение населения, нападения на жителей соседних государств и иностранных торговцев. Огромное значение для развития права в государствах Центральной и Восточной Европы имел Статут Великого княжества Литовского, в структуру которого, начиная со Статута 1529 г., включался раздел «Об обороне земской», предусматривавший ответственность за совершение ряда преступлений, совершенных военнослужащими во время войны или военного похода.

Однако устойчивое понимание того, что за определенные деяния индивидов, связанные с нарушением законов и обычаев ведения войны, другими нарушениями, влекущими

тяжкие последствия для международного правопорядка, должна быть установлена уголовная ответственность, окончательно сформировалось в научных доктринах только во второй половине XIX - начале XX вв. Деятельность известных юристов того периода, таких как Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Мартене (Россия), Ф. Лист (Германия), Г. ван Гаммель (Нидерланды), А. Принс (Бельгия), Г. Муанье (Швейцария), В. Пелла (Румыния) заложила теоретическую основу международно-правового регулирования борьбы с подобными правонарушениями. Первые практические попытки создания международной системы ответственности за нарушение права войны были предприняты после окончания Первой мировой войны. В Версальском мирном договоре от 28 июня 1919 г. предлагалось привлечь к ответственности кайзера Вильгельма II и других обвиняемых в военных преступлениях подданных Германии, а также создать международный суд и национальные суды для процессов над военными преступниками всех видов. Указанные предложения не были воплощены в жизнь: кайзер скрылся в Голландии, которая отказалась его выдать, а те немногие из предполагаемых военных преступников, которые подверглись судебному преследованию, были или оправданы, или получили чисто символическое наказание. Реальное воплощение идей о необходимости пресечения и наказания за совершение военных преступлений, преступлений против мира и человечности в нормы международного права произошло в ходе и после Второй мировой войны. Нормы об уголовной ответственности отдельных физических лиц были сформулированы в уставах и приговорах Международных военных трибуналов для суда над главными немецкими и японскими военными преступниками. Суду были преданы 24 главных германских военных преступника и 28 руководящих государственных деятелей Японии. Нюрнбергский и Токийский процессы имели огромное значение для дальнейшего развития международного права. Деятельность данных трибуналов положила начало созданию основ международной уголовной юстиции. Опыт Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов показал возможность привлечения индивидов к уголовной ответственности международными судебными органами, а также инициировал постепенный процесс создания соответствующего международно-правового регулирования. Принципы, изложенные в уставах и приговорах этих трибуналов, были подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3 (1) от 13 февраля 1946 г., 95 (1) от 11 декабря 1946 г. и стали общепризнанными принципами международного уголовного права.

Признание международными преступлениями нарушений законов и обычаев войны, агрессии, геноцида, деяний против человечности во многом предопределило направление дальнейшей кодификации международного права через формулирование не только конкретных противоправных деяний в международных договорах, но и закрепление норм, предусматривающих обязательство государств-участников по пресечению и наказанию за их совершение внутригосударственными уголовно-правовыми средствами. Подобный подход получил последующее развитие и закрепление в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г., Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., а также в других международных договорах. Колоссальные человеческие жертвы, серьезные нарушения международного гуманитарного права во время конфликтов на территории бывшей Югославии и в Руанде в 90-е гг. XX столетия побудили международное сообщество обратить более пристальное внимание на возможности международных судебных органов ad hoc и перспективы создания постоянного международного уголовного суда. 22 февраля 1993 г. Совет Безопасности ООН принял решение о необходимости учреждения международного уголовного суда по фактам серьезного нарушения международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии (резолюция 808). мая 1993 г. Резолюцией 827 Совет Безопасности учредил Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за

серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., и утвердил его Устав ноября 1994 г. резолюцией 955 Совета Безопасности был учрежден Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 г. На Дипломатической конференции ООН в Риме 17 июля 1998 г. был принят Статут Международного уголовного суда. С завершением формирования Международного уголовного суда в 2003 г. система международной уголовной юстиции приобрела зримые очертания. Значительный диапазон преступлений, носящих международный характер, беспрецедентный размах международной организованной преступности во второй половине XX - начале XXI вв. обусловили необходимость более тесной координации действий государств по предупреждению, пресечению и наказанию за совершение подобного рода преступлений. Сотрудничество в борьбе с преступлениями международного характера осуществляется через создание на двустороннем и многостороннем уровнях договорной базы. Эти договоры призваны решать вопросы согласованной криминализации общественно опасных деяний международного характера, включения обязательств по разработке национального уголовного законодательства, обеспечивающего привлечение виновных к ответственности за их совершение, установления юрисдикции над преступлениями и лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, оказания международной правовой помощи по уголовным делам, включая выдачу преступников. Таким образом, сегодня международное уголовное право можно рассматривать как систему, в основе которой лежат материальные международно-правовые нормы, определяющие соответствующие категории преступлений, а также процессуальные нормы, регулирующие борьбу с данными преступлениями, и имеющую собственный организационно-правовой механизм. Под международным уголовным правом понимается совокупность принципов и норм права, регулирующих отношения сотрудничества государств по предупреждению, преследованию и наказанию за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Объектом регулирования данной отрасли являются межгосударственные отношения, складывающиеся в сфере сотрудничества в борьбе с преступностью. Соответственно субъектами международного уголовного права являются государства и международные организации. Предметом международного уголовного права является предупреждение, преследование и наказание за международные преступления и преступления международного характера, осуществляемые на основе международных соглашений с помощью правовых средств, создаваемых на международном и внутригосударственном уровнях, и которые в своей совокупности составляют организационно-правовой механизм сотрудничества в данной сфере. Имеется у него и свой метод, существующий в рамках международно-правового метода, в основе которого лежит взаимное согласие и добровольность. Однако особый характер международно-правового принуждения в данной сфере придает своеобразие методу международного уголовного права. Принуждение в той или иной мере свойственно в принципе всем отраслям международного права, но в международном уголовном праве оно имеет большее значение в силу специфики предмета его регулирования.

Применение международно-правового принуждения возможно только при наличии правонарушения. Более того, оно должно иметь правовые основания, созданные посредством согласования воли государств. И в этом проявляется тесная связь метода международного уголовного права с основным международно-правовым методом. Вместе с тем международное уголовное право регулирует отношения, связанные с посягательствами на жизненные интересы международного сообщества в целом, с

нарушением или созданием угрозы развитию нормальных международных отношений. А это предопределяет не только наличие материального основания для применения принуждения, в том числе от имени международного сообщества, но и большее значение процессуального механизма реализации права на принуждение, включая защиту прав правонарушителя. Система международного уголовного права охватывает материальные и процессуальные принципы и нормы сотрудничества по предупреждению, преследованию и наказанию за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Международное уголовное право включает нормы, действующие как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов. Смешанный характер организационно-правового механизма сотрудничества государств в области борьбы с преступностью предопределяет включение в систему международного уголовного права и национального законодательства в качестве вспомогательного, косвенного источника, служащего средством осуществления принципов и норм последнего. Международное уголовное право также охватывает нормы по вопросам оказания международной правовой помощи и регулирования разрешения юрисдикционных аспектов действия национальных уголовных законов различных государств. Международное уголовное право является комплексной отраслью. Подобный ее характер проистекает из предмета отрасли: в него наряду с международными преступлениями входят преступления международного характера. Направленность этих преступлений против различных объектов влечет различную процедуру ответственности, что и дает основания для признания комплексного характера международного уголовного права. Безусловно, опасность для международного сообщества международных преступлений и преступлений международного характера не одинакова. Но это не служит препятствием для образования определенной, достаточно целостной, взаимосвязанной совокупности норм. Как и во внутригосударственном уголовном праве, принципы и нормы международного уголовного права, созданные с целью борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера объединяет то, что они предусматривают уголовную ответственность лиц, виновных в их совершении в зависимости от общественной опасности различных категорий преступлений, охраняя международный правопорядок в целом от преступных посягательств. Международное уголовное право тесно связано с другими отраслями международного права. Наиболее тесная связь существует между международным уголовным правом и международным гуманитарным правом, а также правом прав человека, в рамках которых формировался комплекс норм, определяющих признаки конкретных международных преступлений: военных преступлений, преступлений против мира и человечности. По своему содержанию все эти деяния представляют собой либо серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов к ним 1977 г. и некоторых других договоров, либо основополагающих прав человека. Поэтому неудивительно, что источниками этих отраслей подчас являются одни и те же международные договоры. Именно в этих отраслях наиболее сильно проявляется тенденция к созданию международных юрисдикционных органов, в частности международных уголовных судов. Международное уголовное право является своего рода зеркальным отражением международного гуманитарного права и прав человека: оно направлено, прежде всего, на предупреждение, пресечение и наказание за преступления, которые сопряжены с наиболее тяжкими и систематическими нарушениями прав человека в мирное время или с лишением права на защиту определенных категорий покровительствуемых лиц, гарантирование минимума прав человека в период вооруженного конфликта, установленных нормами данных отраслей. Наличие взаимосвязей с международным уголовным правом свойственно и для международного воздушного, морского, экологического права, а также некоторых других отраслей. Совокупность принципов и норм международного уголовного права характеризует тесная связь с внутригосударственным уголовным правом. Международно-правовые нормы, регулирующие борьбу с преступлениями

международного характера, используются исключительно через применение соответствующих норм внутригосударственного уголовного права национальными правоохранительными органами. Реализация ответственности за международные преступления, хотя и может иметь место перед международными трибуналами или Международным уголовным судом, и к виновным могут применяться непосредственно нормы международного права, однако это не исключает и привлечения их к ответственности за эти же деяния в соответствии с национальным уголовным законодательством. Более того, в силу международных обязательств государства должны иметь национальное законодательство, обеспечивающее предупреждение, пресечение и наказание за совершение международных преступлений. Международные судебные инстанции в этой связи не призваны заменить собой национальные правоохранительные системы, они укрепляют и дополняют их. Между тем тесное взаимодействие норм международного и внутригосударственного права, выражающееся в их взаимодополняемости, а зачастую и в совместном действии, не изменяет их правовой природы, не приводит к их слиянию в единую правовую систему. Они продолжают оставаться соответственно нормами международного или внутригосударственного права. Даже несмотря на то, что имеют единую цель - охрану международного правопорядка. Эти нормы, созданные различным образом, в рамках международной и внутригосударственной правовых систем, действующие присущими им специфическими способами решают одну и ту же задачу - борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера.

1.2 Принципы международного уголовного права

Как и любая отрасль, международное уголовное право опирается как на основные принципы международного права, которые при этом модифицируются применительно к данной отрасли, так и на отраслевые (специальные). Возникновение, формирование отраслевых принципов, их содержание определяются спецификой общественных отношений, которые они регулируют. Такие принципы объективно необходимы для функционирования данной системы отношений и нормативной системы, их регулирующей, они исторически формировались с этой системой. Спецификой международного уголовного права является также и то, что значительная часть отраслевых принципов по своему содержанию совпадает с общими принципами, характерными для внутригосударственного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Это объясняется общей направленностью международного уголовного права и внутригосударственного права на охрану правопорядка. В результате кодификации отраслевые принципы международного уголовного права нашли отражение в международных договорах. Рассмотрим их подробнее. **Принцип индивидуальной уголовной ответственности** является центральным в системе общих принципов уголовного права и отражает фундаментальное достижение современной уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики. В п. 2 ст. 25 Римского статута Международного уголовного суда он сформулирован следующим образом: «Лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом». **Принцип неприменения срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества** был впервые зафиксирован в Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. В соответствии со ст. I данной Конвенции никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: а) военные преступления, как они определяются в Уставе Международного Нюрнбергского военного трибунала от 8 августа 1945 г. (Нюрнберг) и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г.

Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, серьезные нарушения, перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.; б) преступления против человечества, как они определяются в Уставе Международного Нюрнбергского военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены». Данный принцип получил развитие и в ст. 29 Римского статута Международного уголовного суда, гласящей, что в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не устанавливается никакого срока давности. Принцип ответственности начальника за непринятие мер был сформулирован в п. 2 ст. 86 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.: «Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальника от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения». Дальнейшее развитие принцип ответственности начальника за непринятие мер получил в ст. 28 Римского статута Международного уголовного суда. **Принцип ответственности лица за исполнение им преступного приказа своего правительства или начальника**, если сознательный выбор фактически был возможен, в международном праве впервые был сформулирован в ст. 8 Устава Нюрнбергского трибунала и получил дальнейшее развитие в п. 3 ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, в п. 4 ст. 7 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии и п. 4 ст. 6 Устава Международного трибунала по Руанде, а также в ст. 33 Римского статута Международного уголовного суда. В соответствии с п. 1 ст. 33 Римского статута он сформулирован следующим образом: «Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда: а) это лицо юридически обязано исполнять приказы данного правительства и данного начальника; б) это лицо не знало, что приказ был незаконным; в) приказ не был явно незаконным». Содержание признака «явной незаконности» приказа было в п. 2 данной статьи дополнено указанием на то, что «приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными». Принцип «*nullum crimen sine lege*» закреплен в ст. 22 Римского статута, и в соответствии с ним лицо не подлежит уголовной ответственности по настоящему Статуту, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда. Принцип «*nulla poena sine lege*» определяет общие начала назначения наказания. Согласно данному принципу лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями Статута Международного уголовного суда (ст. 23 Римского статута). Принцип отсутствия обратной силы (*ratione personae*) закрепляет два общих правила, составляющих его содержание. Во-первых, согласно п. 1 ст. 24 Римского статута лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии со Статутом за деяние, совершенное до его вступления в силу. Во-вторых, в случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения или

постановления, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным (п. 2 ст. 24 Римского статута). Принцип недопустимости ссылки на должностное положение закреплен в ст. 27 Римского статута. Согласно данному принципу Римский статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. Далее в п. 1 ст. 27 конкретизируются субъекты, которые не освобождаются в случае совершения преступления от уголовной ответственности согласно Римскому статуту, и их должностное положение само по себе не является основанием для смягчения приговора: главы государства или правительства, члены правительства или парламента, избранные представители или должностные лица правительства. Наряду с признаком «должностного положения» в содержание принципа включается и указание на то, что «иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица» (п. 2 ст. 27 Римского статута). **Принцип универсальной юрисдикции** означает распространение уголовной юрисдикции государства на деяния, признанные преступными международным правом, независимо от гражданства (подданства) совершивших их лиц и места совершения. Считается, что универсальная юрисдикция должна применяться к правонарушениям, пресечение которых всеми без исключения государствами оправдано или предписывается политикой международного сообщества. Основания для реализации принципа универсальной юрисдикции присутствуют как в международном договорном, так и обычном праве, например, в ст. 49, 50, 129, 146 соответственно всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., ст. 12 Римского статута. Наряду с принципами материального права в международном уголовном праве сформулирован ряд процессуальных принципов. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г., ряде других международных договоров установлены принципы равенства людей перед судом, права на защиту, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основе права, презумпции невиновности, гуманного обращения с лицами, лишенными свободы, и др.

.3 Источники международного уголовного права

Источники международного уголовного права те же, что и у международного права в целом. Главная роль в создании норм международного уголовного права принадлежит договорам. Вместе с тем специфика договорных источников международного уголовного права проявляется в том, что его кодификация не была осуществлена, и поэтому его нормы можно найти в договорных источниках других отраслей. К их числу относятся, прежде всего, договоры, содержащие нормы, которые регулируют вопросы борьбы с международными преступлениями:

Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.;

Дополнительные протоколы к ним 1977 г.;

Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.;

Второй протокол 1999 г. к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.;

Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.;

Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказания за него 1948 г.;

Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.;

Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г.;

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.;

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. и др.

В целом к числу договорных источников международного уголовного права относятся сотни международных договоров различного характера: универсальные, региональные, двусторонние, многосторонние и т.д. Например, ряд конвенций посвящен борьбе с теми или иными видами преступлений международного характера:

Конвенция о рабстве 1926 г.;

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г.;

Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.;

Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.;

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.;

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.;

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. и др.

Активно развивается процесс международного нормотворчества в данной сфере на региональном уровне. Только в рамках Совета Европы заключено значительное количество договоров, регулирующих вопросы борьбы с преступностью: Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам 1959 г.; Европейская конвенция о выдаче 1957 г.; Конвенция об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. и др.

В международном уголовном праве значительную роль играют обычные нормы, и многие международные договоры (прежде всего касающиеся норм о защите жертв войны и правилах ее ведения) рассматриваются как отражение содержания норм обычного международного права, т.е. правила договоров обязательны и для государств, не являющихся их участниками, в качестве международных обычаев. Неслучайно еще в решении Международного военного трибунала в Нюрнберге было подчеркнуто, что гуманитарные нормы IV Гаагской конвенции 1907 г. и Женевской конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными признаны всеми цивилизованными нациями, рассматривались ими в качестве декларации законов и обычаев войны и считаются частью общего международного права. Практика Международного трибунала по бывшей Югославии также подтверждает данный подход. Ряд преступлений, которые либо не предусмотрены международными договорами, либо и признаки не конкретизированы в них, тем не менее, определяются в обычном праве. Например, агрессия указана в качестве преступления, вызывающего озабоченность всего международного сообщества, в ст. 5 Римского статута, но само определение агрессии отсутствует в данном международном договоре. Вместе с тем ни одно государство никогда не оспаривало обычно-правовой характер этого преступления. Важный вклад в процесс нормообразования вносят международные суды, решения которых согласно ст. 38 Статута Международного Суда ООН могут использоваться как вспомогательное средство определения правовых норм. Кроме того, международные суды могут содействовать появлению новых норм в международном гуманитарном праве. Так, в Уставе и приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге была впервые дана трактовка международных преступлений в области гуманитарного права и сформулированы принципы уголовной ответственности физических лиц за их совершение, впоследствии признанные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. принципами международного права и закрепленные в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительном протоколе от 1977 г.

Следует также упомянуть действующие в настоящее время Международные уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, решения которых имеют большое значение в толковании и применении норм права. К источникам международного уголовного права, которые условно можно назвать косвенными или вспомогательными, относятся внутригосударственные законы, направленные в той или иной степени на преследование и наказание за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Внутригосударственные нормативные правовые акты, принятые в нескольких государствах по одному и тому же вопросу, способны оказать влияние на возникновение обычной нормы международного уголовного права. Например, принятые многими государствами законы по борьбе с террористическими актами международного характера, наемничеством, о факультативной универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений, совершаемых в период вооруженного конфликта немеждународного характера, инициировали возникновение международно-правовых норм, определяющих подобные деяния как преступные. Растущую роль в процессе формирования норм международного уголовного права приобретают решения международных организаций, прежде всего органов ООН, таких как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Ярким примером является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. и имевшая статус рекомендации. Однако в последующем государства признали ее положения в качестве норм общего международного права. Таким образом, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, других международных органов непосредственно не создают норм международного права и их нельзя считать источником международного уголовного права. Вместе с тем они являются важным звеном в процессе формирования международно-правовых норм. Уникальным случаем непосредственного создания норм и институтов международного уголовного права является учреждение международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде Советом Безопасности ООН по предложению Генерального секретаря ООН на основании главы VII Устава ООН - в рамках полномочий по принятию мер для восстановления международного мира и безопасности. Никогда до этого Совет Безопасности ООН не учреждал органов для суда над индивидами в качестве меры для восстановления международного мира и безопасности. Вместе с тем подобный подход был молчаливо признан государствами и позволил избежать неадекватных для подобных ситуаций затрат времени, необходимых для заключения универсального международного договора, и, что более важно, избежать риска того, что непосредственно затронутые конфликтами государства откажутся от участия в нем. Традиционные методы международного правотворчества уже не в состоянии обеспечить растущие потребности сотрудничества в борьбе с преступностью. Это вызвало к жизни более гибкий и оперативный механизм развития международного и национального права при помощи международных стандартов. Такие стандарты, являясь нормами так называемого «мягкого права», т.е. не обязательными для государств, тем не менее, отражают мировой правовой опыт и поэтому учитываются государствами при формировании норм национального уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса и национальной правоприменительной практики.

II. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1. Принцип *nullum crimen sine lege* в международном уголовном праве.
2. Преступление в международном уголовном праве как деяние.
3. Признаки преступления по международному уголовному праву.
4. Состав преступления в международном уголовном праве.
5. Литература.
6. Контрольные вопросы

1. Принцип *nullum crimen sine lege* в международном уголовном праве

Несомненно, понятие и понимание преступления как юридического факта, вызывающего к жизни само уголовное правоотношение, являются ключевыми в уголовном праве. Подавляющее большинство институтов уголовного права (как национального, так и международного) в той или иной степени зависят от понятия преступления - будучи, по существу, производными от него.

Понимание преступления по международному уголовному праву проистекает из принципа *nullum crimen sine lege*: в соответствии с Римским Статутом Международного уголовного суда, никто не может подлежать ответственности по настоящему Статуту, если только инкриминируемое деяние на момент его совершения не признавалось преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда (ч. 1 ст. 22).

Как может показаться на первый взгляд, речь идет лишь о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда, а эта формулировка является специализированным выражением общего принципа уголовного права применительно к юрисдикции Суда. Однако это не совсем так - подтверждением универсальности этого принципа для всего международного уголовного права является тот факт, что этот принцип, если не буквально, то по своему существу, содержится практически в каждой международной норме уголовно-правового характера.

Например, ч. 1 ст. 15 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (являющегося составной частью Международного стандарта ООН в области защиты прав и свобод человека), прямо устанавливает, что никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением. Аналогичная норма содержится в ст. 7 Европейской Конвенции по правам человека.

Далее, если деяние являлось преступным в соответствии с другой нормой международного уголовного права до вступления в силу новой нормы, то оно подлежит квалификации по той норме, которая действовала на момент совершения деяния. Так, например, совершение акта геноцида до вступления в силу Статута Суда должно быть квалифицировано в соответствии с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) - если, конечно, деяние имело место после вступления названной конвенции в силу.

В одном из судебных прецедентов Европейского Суда по правам человека также содержится недвусмысленное указание на то, что недопустимо никакое отступление от принципа "нет преступления без указания на то в законе", даже "в период войны или иного чрезвычайного положения" в целях обеспечения максимально эффективной защиты лица от произвольного уголовного преследования, осуждения и наказания (*S.W. v. United Kingdom*. Решение Европейского Суда по правам человека от 22 ноября 1995 г.)

Логическим следствием запрета применять положения действующего международно-правового акта к деяниям, имевшим место до его вступления в силу, является запрет на применение нормы международного уголовного права по аналогии. В указанных целях прямо предписана необходимость как можно более четкого определения самого преступления по международному уголовному праву. При этом надо особо уточнить, что применение решений международных организаций (в том числе прецедентов международных судов) нельзя расценивать как аналогию - в этом случае такое решение разъясняет норму, содержащуюся в другом источнике международного уголовного права. Другое дело, что толкование, данное в решении международной организации, является обязательным при применении той или иной нормы международного уголовного права.

Составной частью рассматриваемого принципа является "правило о сомнениях", согласно которому любое сомнение в возможности или правильности квалификации по нормам международного уголовного права, должно быть истолковано в пользу обвиняемого лица.

2. Преступление в международном уголовном праве как деяние

Действительно, универсализация международного правопорядка, в том числе достигаемая за счет развития международного уголовного права, требует своеобразной универсализации основных положений практически всех отраслей права - и уголовное право здесь не исключение. Наоборот, уголовное право, будучи самым репрессивным по своей природе, все в большей мере требует если и не полной идентичности, то хотя бы концептуальной одинаковости в оценке деяния как преступного. Такая "одинаковость" отразится и на всех производных уголовно-правых институтах как в национальных правовых системах, так и в системе международного права в целом.

Международное уголовное право является одним из факторов сближения национальных уголовно-правовых систем. И ключевой момент в таком сближении - это принципиально сходный подход к определению преступления в международном уголовном праве. Такое определение так или иначе должно быть воспринято уголовными законами государств, а, значит в понимании преступления действительно возобладают, не могут не возобладать, общечеловеческие ценности.

Какие характеристики присущи преступлению по международному уголовному праву? Отметим сразу, что такие характеристики должны иметься у каждого деяния, признаваемого преступным по международному уголовному праву.

В первую очередь, преступление является юридическим фактом, порождающим уголовное правоотношение в международном праве. При этом такой юридический факт нельзя расценить как событие, не зависящее от воли и сознания человека.

Очевидно, что преступление - это прежде всего деяние лица, его акт поведения, имеющий временные и пространственные характеристики.

При этом такое деяние должно совершаться осознанно, а совершающее лицо - поступать волевым образом.

Осознанность означает, что лицо, совершающее такое деяние, понимает фактический характер своего поведения. Действительно, неправильное понимание фактических характеристик совершаемого деяния делает поведение субъекта юридически не значимым. Так, например, ч. 1 ст. 32 Римского Статута Международного уголовного суда устанавливает, что ошибка в факте является основанием для "освобождения от уголовной ответственности" при условии, что такая ошибка исключает субъективную осознанность того, что лицо совершает.

При этом в международном уголовном праве презюмируется тот факт, что совершение целого ряда деяний любым лицом должно осознаваться как явно преступное. Эта чрезвычайно важная новелла (ч. 2 ст. 33 Римского Статута) позволяет утверждать, что любой человек в силу того, что "все люди ... наделены разумом и совестью" (Ст. 1 Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.), должен осознавать недопустимость таких деяний как геноцид либо преступления против человечности, и доказывать обратное не требуется. На этой посылке в международном уголовном праве основана презумпция виновности лица (мы о ней подробнее скажем ниже), в силу которой каждый человек, пока не доказано обратное, понимает (осознает) фактический характер того, что он сам делает (или не делает).

При этом неосознаваемость фактического характера своих действий (бездействий), имеющая место в силу разного рода причин, как правило является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное деяние. Так, например, в силу п. "а" ч. 1 ст. 31 Римского Статута, если лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности "осознавать противоправность или характер своего поведения" на момент совершения деяния, безусловно освобождается от ответственности за такое деяние.

Аналогичным образом обстоит дело с такой характеристикой деяния как воля человека при его совершении. Любое лицо, в силу Международного Стандарта прав и свобод, обладает свободой воли, то есть возможностью произвольно определять вариант своего фактического поведения. Если на свободу воли влияет какой-либо внешний фактор, то в целом ставится вопрос о преступности совершенного лицом.

Яркий тому пример - обязательность исполнения приказа начальника. Такой приказ (как внешний фактор) безусловно сужает волевые (произвольные) характеристики действий исполнителя. И обязательность приказа, наряду с неочевидностью незаконности последнего для исполнителя, становится одним из оснований, освобождающих исполнителя от ответственности по международному уголовному праву. В то же время, нормы международного права говорят о необходимости сохранения у исполнителя возможности "осознанного выбора" поведения при исполнении приказа. Если у лица имеется возможность выбора поведения при исполнении приказа, то сама такая возможность характеризует деяние как произвольное, зависящее от воли человека. И если он совершает во исполнение приказа преступное деяние, то должен подвергаться ответственности.

Каким может быть деяние как акт поведения лица в международном уголовном праве?

В подавляющем большинстве международных актов указывается на преступность не просто деяния, а действия - то есть активного, осознанного и волевого поведения человека. Однако, как нам представляется, в ряде случаев вполне возможно совершение преступления по международному уголовному праву и бездействием.

Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 28 римского Статута Международного уголовного суда, военный командир (начальник) подлежит ответственности за те деяния, которые совершены находящимися под "его эффективным контролем" подчиненными, если совершение этих деяний стало результатом "неосуществления" командиром контроля надлежащим образом.

При этом ответственность командира за действия своих подчиненных имеет место, если соблюдены следующие условия:

- знание и игнорирование того факта, что подчиненные совершали или намеревались совершить преступление;
- преступление, совершенное подчиненными, затрагивали деятельность, подпадающую под "эффективный контроль начальника;
- начальник не принял всех "необходимых и разумных мер" в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения преступных действий своих подчиненных.

В данном случае командир (начальник) совершает преступное *бездействие* - то есть преступным расценивается неисполнение лицом специально возложенных на него обязанностей (в данном случае - по контролю за поведением своих подчиненных). При этом, как представляется, такая обязанность может иметь место как в силу прямого правового предписания, так и в силу служебного (должностного, официального) статуса лица.

3. Признаки преступления по международному уголовному праву

Для того, чтобы деяние было признано преступным, оно должно обладать рядом обязательных юридических признаков. Попробуем определиться в понимании последних.

Задачей международного уголовного права является охрана международного правопорядка от преступных посягательств. Сама категория "международный правопорядок" чрезвычайно обширна и является результатом взаимного интегрирования различных категорий правопорядка, обеспечиваемого международным правом.

В отечественном Уголовном законе одним из фундаментальных признаков преступления является его общественная опасность - то есть способность предусмотренного уголовным законом деяния причинить вред охраняемым общественным отношениям и интересам. При этом в российской науке традиционно считается, что общественная опасность - главный, основополагающий признак преступления, по которому и проводится его отграничение от иных правонарушений.

Примечательно, что данный признак расценивается как обязательный для преступления в уголовном праве многих государств.

Представляется, что как общественная опасность в отечественном уголовном праве, так и способность преступления в международном уголовном праве причинить вред интересам мирового правопорядка - это объективное качество деяния, его внутренняя характеристика.

Действительно, в международном уголовном праве определена преступность самых различных по своим проявлениям деяний. При этом многие из них в национальном праве традиционно считаются общеуголовными преступлениями. Однако, международные нормы предписывают расценивать такие общеуголовные деяния как преступления по международному праву (например, убийство, умышленное причинение "серьезных" телесных повреждений военнопленному либо мирным гражданам, находящимся на оккупированной территории; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; фальшивомонетничество).

Что объединяет такие "общеуголовные" преступления и преступления, традиционно рассматриваемые как международные?

Нам представляется, что их объективный юридический "знаменатель" заключается в том, что эти самые разные деяния так или иначе посягают на интересы поддержания мирового правопорядка - при этом каждое из преступлений причиняет вред (создает угрозу причинения вреда) какой-либо составной части мирового правопорядка.

Так, например, деяния, расцениваемые как военные преступления (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилование и другие, совершение которых в мирное время либо в момент отсутствия вооруженного конфликта немеждународного характера расцениваются как общеуголовные и, соответственно, не являются юридическими фактами в международном уголовном праве) посягают на интересы поддержания норм и обычаев ведения военных действий и вооруженных конфликтов.

Фальшивомонетничество (вот уж исторически "национальное" преступление, приобретшее в настоящее время широкий международный размах) посягает на такую составную часть мирового правопорядка, как обеспечение интересов экономической и коммерческой деятельности в транснациональном масштабе.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ как преступное деяние угрожает здоровью населения в мировом масштабе, а не только интересам поддержания здоровья неопределенного круга лиц внутри какого-либо одного государства (достаточно вспомнить, что годовые обороты латиноамериканских, южно-азиатских и центрально-азиатских производителей и торговцев наркотиками превышают или соответствуют валовым национальным продуктам соответствующих государств; а угроза распространения наркомании приобретает угрожающие масштабы планетарного значения).

Примеры можно было бы продолжить, но значение всех наших рассуждений сводится к одному - объективным и обязательным признаком любого преступного деяния по международному уголовному праву является причинение им *вреда мировому правопорядку в целом либо составляющим частям такого правопорядка*. Именно это качество любого преступления по международному уголовному праву определяет его юридическую природу. При этом следует иметь в виду, что интересы обеспечения мирового правопорядка в целом и его составляющих частей в конечном итоге касаются интересов не только всех стран, но и всех людей независимо от места их проживания и прочих характеристик.

Далее, в силу принципа "нет преступления без указания на то в законе", неотъемлемым признаком любого преступления по международному уголовному праву необходимо считать его *противоправность*.

Противоправность означает прямую запрещенность деяния по международному уголовному праву. При этом противоправность как формальный признак деяния не допускает применения международного уголовного права по аналогии (ч. 2 ст. 22 Римского Статута Международного уголовного суда). Как представляется, нельзя в качестве нарушения признака противоправности деяния расценивать действие решений международных организаций (прецедентов международных судов) в силу того, что они являются скорее правотолкующими, а не правоустанавливающими источниками международного уголовного права.

В теории отечественного уголовного права советского периода обычно утверждалось, что противоправность любого преступления - это его производный, как бы "второстепенный" признак. Применительно к международному уголовному праву с такой позицией согласиться нельзя: так как одним из общих

принципов уголовного права провозглашен принцип "nullum crimen sine lege", то и признак противоправности преступления следует считать основным.

Не смотря на обычное отсутствие указания на обязательность установления вины в совершении деяния, в качестве признака любого преступления необходимо расценивать *виновность* лица в его совершении.

Виновность означает, что лицо, совершающее деяние имеет определенное психическое отношение к своему действию (бездействию) и возможным последствиям своего действия (бездействия). Акты международного уголовного права нередко употребляют при характеристике психической деятельности такого лица следующие термины:

- "намерение" (ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него);
- "сознательность" (ст. 2 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 12 марта 1950 г.);
- "преднамеренность" (ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации).

Как видно из приведенных примеров, для вменения преступления по международному уголовному праву требуется установить определенное психическое состояние лица, совершающего это деяние (а в ряде случаев, мотивацию и (или) целеполагание действий такого лица). В науке уголовного права такое психическое состояние, психические процессы получили определение "вина в совершении деяния".

При этом надо заметить, что виновность как признак преступления означает не только сам факт наличия того или иного психического отношения к совершенному деянию, но и необходимость доказанности этого психического отношения при правоприменении. И здесь можно столкнуться со своеобразным конфликтом наличия фактической виновности лица (то есть де-факто имевшегося у него определенного психического состояния по отношению к содеянному) и презумпцией невиновности, определенной в основополагающих документах Международного Стандарта прав человека. В рамках конкуренции указанных положений возможен сам факт развития материального правоотношения ответственности в процессуальных формах.

Неосторожная вина в международном уголовном праве - явление исключительное. На возможность такой формы вины в виде небрежности либо легкомыслия можно указать только в преступлениях экологического характера (загрязнение окружающей среды) и в составе повреждения подводного морского кабеля.

Многие составы содержат прямое указание на такие признаки субъективной стороны, как мотивы и цели совершения преступления. В этих случаях данные признаки становятся обязательными для установления.

Так, мотивы преступлений против мира и безопасности человечества не играют никакой роли при юридической оценке деяния, если они не охватываются определением данного преступления. А, например "коммерческие цели" при незаконном обороте наркотических средств являются обязательной характеристикой нескольких деяний, образующих сам оборот (ст. 36 Единой Конвенции о наркотических средствах).

Наконец, субъективная сторона преступления в международном праве допускает возможность *ошибки* лица, то есть его заблуждения относительно фактических (ошибка в факте) или юридических (ошибка в праве) обстоятельств.

В силу положений ст. 32 Римского Статута Международного уголовного суда, ошибка имеет следующее значение:

- ошибка в факте является основанием освобождения от ответственности, если она "исключает необходимую субъективную сторону" данного преступления (то есть в силу такой ошибки у лица отсутствует умысел на совершение деяния или причинение каких-либо последствий);
- ошибка в праве, по общему правилу, не является обстоятельством, освобождающим от ответственности, но может быть таковой, когда также "исключало субъективную сторону данного преступления".

Акты международного уголовного права последовательно требуют от государств-участников устанавливать не просто преступность того или иного деяния в национальном законе, но и его наказуемость. Следовательно, можно говорить о том, что признаком всякого преступления по международному уголовному праву является *ответственность* физического лица за его совершение.

В силу специфики правоотношения в международном уголовном праве, а также применения норм международного уголовного права, формальные пределы ответственности обычно в самих международно-правовых актах не установлены. По этой причине границы ответственности за каждое преступление устанавливаются национальным законодателем в соответствии с предписаниями международного уголовного права.

Мы сознательно избегаем такой характеристики преступления в международном уголовном праве как его "наказуемость" именно по этой причине.

Наказуемость, как известно, формализованный признак, означающий какое именно и в каком объеме наказание "грозит" преступнику. Но факт совершения преступного деяния по международному уголовному праву еще не означает окончательную предрешенность вопроса о том, какое наказание и в каких пределах

будет назначено лицу, признанному виновным. Вопрос о формально возможном наказании зависит от того, кем и как будет применена норма международного уголовного права либо национального уголовного права (в соответствии с международным) - то есть, в целом, от возможного варианта реализации материального правоотношения в международном уголовном праве.

К тому же необходимо еще раз отметить, что принцип "nullum poena sine lege" определяет сам факт того, что виновное лицо должно понести наказание. А последнее может быть, например, назначено в соответствии со сложившейся практикой правоприменения международными организациями.

На основе изложенного предлагается определить преступление в международном уголовном праве как *нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены в международном уголовном праве.*

4. Состав преступления в международном уголовном праве

Предложенное определение преступления в международном уголовном праве содержит его обязательные признаки (юридические и социальные), присущие каждому преступному деянию как юридическому факту в международном уголовном праве.

Но правовые нормы не содержат непосредственного указания на сами юридические факты, являясь только юридическими абстракциями. Для реализации уголовной ответственности по международному уголовному праву требуется установить соответствие деяния (как юридического факта) предписанию самой нормы, то есть произвести юридическую квалификацию содеянного, на основе которой собственно и строится применение нормы международного уголовного права.

Норма содержит логико-юридическую абстракцию, которую в теории уголовного права принято называть составом преступления.

Под *составом преступления* в литературе традиционно понимается совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. При этом отмечается, что любой состав преступления образуют четыре группы признаков, называемые элементами состава преступления: объективные признаки (объект и объективная сторона) и субъективные признаки (субъект и субъективная сторона).

Анализ норм международного уголовного права также позволяют говорить о том, что в них определяются признаки, характеризующие то или иное деяние как преступное. При этом данные признаки могут носить как объективный характер (описание деяния, последствий, способов совершения деяния, обстановки его совершения и пр.), так и субъективный характер (например, цели и мотивы поведения виновного).

Каждое преступление по международному уголовному праву характеризуется четырьмя обязательными признаками: опасностью для мирового правопорядка, противоправностью, виновностью, наличием индивидуальной ответственности за его совершение.

Представляется справедливым, что этим признакам фактически совершаемого преступления должны соответствовать определенные юридические формы, характерные для правовой нормы. Тем более, что начальным этапом любого правового регулирования является наличие той или иной юридической нормы, которая может быть применена при состоявшемся юридическом факте.

Самые разнообразные юридические признаки, характеризующие деяние как преступное, можно сгруппировать в соответствии с признаками самого преступления следующим образом:

<i>Признаки преступного деяния</i>	Юридические признаки нормы международного уголовного права
<i>Опасность для мирового правопорядка</i>	Интерес (группа интересов), определенные в нормах международного права, которым деянием причиняется вред
<i>Противоправность</i>	Указание на преступность деяния либо описание деяния как преступного в юридической норме; нередко - описание последствий такового деяния
<i>Виновность</i>	Указание на то или иное психическое отношение лица к содеянному, мотивы и цели его поведения
<i>Индивидуальная ответственность</i>	Признаки, характеризующие лицо, которое несет ответственность в соответствии с международным

Признаки, юридически характеризующие то или иное качество преступного деяния, можно объединить в юридические элементы нормы международного уголовного права. Представляется возможным применить в доктрине международного уголовного права выработанное учение о составе преступления. Это подтверждается и самим международным правом - так, в частности в ч. 1 ст. 20 Римского Статута Международного уголовного суда содержится прямое упоминание о "составе преступления" как о юридической характеристике самого преступления.

В силу разнообразия источниковой базы международного уголовного права, составы тех или иных преступлений могут содержаться в самых различных международных актах. При этом составы могут содержаться одновременно в нескольких действующих документах (например, состав преступления геноцида содержится как в соответствующей конвенции, так и в Римском Статуте).

С учетом изложенного, состав преступления по международному уголовному праву можно определить как совокупность установленных источниками международного уголовного права объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как преступление по международному уголовному праву.

5. Литература

1. *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву. – М., 2002. – С. 9-18.
2. *Иногамова-Хегай Л.В.* Международное уголовное право. – СПб., 2003. – С. 132-152.
3. *Иногамова-Хегай Л.В.* Преступление по международному уголовному праву и его закрепление в национальном уголовном праве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. – М., 2004. – С. 333-336.
4. *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право. – СПб., 2003. – С. 91-109.
5. *Кибальник А.Г.* Введение в международное уголовное право. – Ставрополь, 2001. – С. 128-156.
6. *Кибальник А.* Принципы международного уголовного права // Уголовное право. – 2002. - № 3. – С. 22-25.
7. *Костенко Н.И.* Международный уголовный суд. – М., 2002. – С. 17-29.
8. *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право. – М., 1999. – С. 21-33.
9. Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. *В.Н. Кудрявцева.* – М., 1999. – С. 50-56.
10. *Цепелев В.Ф.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – М., 2001. – С. 73-87.

6. Контрольные вопросы

1. В чем состоит значение принципа *nullum crimen sine lege* в определении преступности деяния по международному уголовному праву?
2. Каковы признаки преступления по международному уголовному праву?
3. Какие существуют особенности понимания виновности и наказуемости деяния по международному уголовному праву?
4. В чем заключается принцип недопустимости ссылки на приказ (распоряжение) начальника?

5. Каково соотношение понятий «преступление» и «состав преступления» в международном уголовном праве?

III. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1. Общие положения об ответственности физических лиц в международном уголовном праве.
2. Неоконченное преступление и соучастие в преступлении по международному уголовному праву.
3. Пределы ответственности физических лиц в международном уголовном праве. Принцип *ne bis in idem*.
4. Проблема ответственности юридических лиц и государства в международном уголовном праве.
5. Литература.

1. Общие положения об ответственности физических лиц в международном уголовном праве

Принцип индивидуальной ответственности по международному уголовному праву явился одним из важнейших тезисов Нюрнбергского процесса. В силу этого принципа, ответственности по уголовному международному праву могут подлежать только *физические лица* (ч. 1 ст. 25 Римского Статута). При этом Международный уголовный суд обладает юрисдикцией только в отношении лиц, достигших 18-летнего возраста (ст. 26).

Принцип индивидуальной (личной) ответственности означает, что лицо несет ответственность по международному уголовному праву в случае, если оно является исполнителем или иным соучастником преступления, а также если оно покушается на преступление.

Вполне допустимо несоответствие в возрастном цензе субъекта ответственности по международному и национальному уголовному праву.

Так, например, в нормах УК России, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества (ст.ст. 353-360) возраст субъекта определен в 16 лет. Может ли лицо, совершившее такое преступление в возрасте от 16 до 18 лет нести ответственность по международному уголовному праву?

В нормах международного уголовного права практически нигде не указывается на минимальный возраст субъекта преступления. Поэтому, в силу понимания положения о толковании любого сомнения в пользу лица, ответ может быть только один - такое лицо нести ответственность по международному уголовному праву не может.

Принцип индивидуальной ответственности физических лиц позволяет также добиться более последовательной дифференциации и индивидуализации ответственности по международному уголовному праву в зависимости от своего фактического участия в совершении деяния, а также от степени завершенности последнего.

В силу принципа индивидуальной ответственности лиц по международному уголовному праву, очевидно, что *общим субъектом* преступления должен расцениваться любой человек, вне зависимости от каких-либо демографических, социальных, имущественных либо иных характеристик, совершивший это преступлений и подлежащий ответственности по международному уголовному праву.

В отличие от национальных уголовных законов, практически во всех источниках международного уголовного права отсутствуют какие-либо указания на признаки, характеризующие субъекта преступления. в международных актах речь обычно идет о "лице", "всяком лице", "любом лице".

Оговоримся еще раз - в силу понимания правоотношения в международном уголовном праве, принципов последнего и возможности его применения, в качестве субъекта преступления должен пониматься только человек - по крайней мере, на современном этапе развития международного уголовного права.

Правоотношения и ответственность других "лиц" (юридических, государственных органов и государства в целом) носит принципиально иной характер. Другое дело, что руководители государства, юридических лиц могут и должны нести ответственность за совершенные ими преступления. Действительно, трудно не согласиться с А.Н. Трайниным в том, что "государство не может быть вменяемо или невменяемо; государство не может быть на скамье подсудимых или за решеткой тюрьмы" (**8, стр. 42**). Сказанное в полной мере относится к юридическим лицам (достаточно вспомнить действовавший еще в римском праве принцип "societas delinquere non potest" - юридические лица не могут совершать преступлений).

Таким образом, можно утверждать, что в современном международном уголовном праве смысл принципа индивидуальной ответственности лица сводится к установлению тождества между понятиями «субъект преступления» и «субъект ответственности». Как будет сказано ниже, отсутствие названного тождества порождает до сих пор не разрешенную проблему ответственности государств и юридических лиц в международном уголовном праве.

Под "лицом" как субъектом преступления по международному уголовному праву надо понимать любого человека, который:

- сам совершил преступное деяние;
- использовал для совершения преступного деяния другого человека (например, при исполнении незаконного приказа).

Национальное законодательство всегда устанавливает возрастной предел, с которого возможно признание человека субъектом преступления и, соответственно, возложение на него обязанности нести ответственность за совершенное преступление (например, ст. 20 УК России). Иначе обстоит дело в источниках международного уголовного права - указания на минимальный юридически значимый возраст лица как правило отсутствует.

Означает ли это, что возраст лица не играет никакой роли? Очевидно, что нет. В силу специфики правоотношения и его реализации в международном уголовном праве, установление возраста уголовной ответственности зависит от национального законодательства государства, осуществляющего юрисдикцию в отношении такого лица.

При этом надо особо подчеркнуть, что в ситуациях, когда возможно осуществление юрисдикции в отношении лица несколькими национальными правоприменителями, то сомнения в допустимости возможности признания лица субъектом преступления должны быть истолкованы в пользу такого лица.

Международное уголовное право знает исключительный случай, когда непосредственно в тексте его источника имеется указание на возрастной предел субъекта. Такое положение содержится в ст. 26 Римского Статута Международного уголовного суда - "Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-ти летнего возраста на предполагаемого момент совершения преступления".

Но данное положение относится только к юрисдикции Суда, и не мешает осуществлять национальную юрисдикцию над более молодыми лицами, совершившими "предположительно" преступные деяния по международному уголовному праву. В этом случае и более молодой человек (например, в возрасте от 16 до 18 лет - как это установлено, по общему правилу в ч. 1 ст. 20 Уголовного кодекса РФ) должен признаваться достигнувшем возраста ответственности и нести ответственность за преступление, предусмотренное в международном уголовном праве

Вторая неотъемлемая от личности субъекта характеристика - его *вменяемость*, то есть способность понимать фактический характер своего деяния (действия или бездействия) и свободно руководить им.

В определении вменяемости как юридической категории именно международное право находится в "выигрышном" положении по сравнению, например с российским Уголовным законом (где это понятие попросту отсутствует, а его понимание выводится из определения "невменяемости").

Международный стандарт ООН в области защиты прав человека признает каждого человека вменяемым, пока не доказано обратное (это следует, например, из ст. 16 Международного Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г.).

Следовательно, в международном уголовном праве действует *презумпция вменяемости* лица, достигшего наступления ответственности: любой человек, достигший возраста уголовной ответственности, считается вменяемым, то есть понимающим характер своих действий (бездействия) и руководящим ими, пока не доказано обратное.

Исходя из конституционного предписания о приоритете норм международного права над национальным правом, можно утверждать, что положение о презумпции вменяемости действует в уголовном праве тех стран, где ее законодательное определение отсутствует (например, в Российской Федерации).

Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает возможность признания лица субъектом преступления.

Наиболее очевидно это с возрастным критерием. И, хотя в международных актах отсутствует определение "невменяемость", именно состояние невменяемости лица по каким-либо медицинским показаниям на момент совершения деяния, является основанием исключения ответственности по международному уголовному праву.

Так, в соответствии с п.п. "а" Римского Статута Международного уголовного суда, лицо не может нести ответственность, если страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишало его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона.

С другой стороны, п. "b" этой же нормы в качестве обстоятельства непривлечения к ответственности расценивает состояние интоксикации, которое имело следствием лишение лица возможности понимать характер своих действий или соотносить их с положениями закона. При этом условием является то, что это лицо подверглось интоксикации недобровольно, то есть насильно, помимо его воли. В ряде национальных законов подобное обстоятельство, формулируемое как "физическое принуждение" расценивается не как лишаящее субъекта его юридических характеристик, а как исключающее преступность деяния (при соблюдении допустимых критериев - например, в ч. 1 ст. 40 УК РФ).

Наконец, международному уголовному праву знаком *специальный субъект* преступления - то есть лицо, обладающее дополнительными юридически значимыми признаками. При этом указание на эти признаки должны содержаться в самой норме международного уголовного права (например, "начальник", "военный командир", "лицо, эффективно действующее в качестве военного командира" - ст.ст. 28, 33 Римского Статута).

2. Неоконченное преступление и соучастие в преступлении по международному уголовному праву

Неоконченное преступление в международном уголовном праве.

в теории уголовного права не вызывает сомнений тот факт, что многие умышленные преступления заранее обдумываются и проходят свои этапы развития, получившие в теории уголовного права название "неоконченного преступления".

Нередко преступная деятельность начинается с осмысления виновным целей преступления, обдумывания способов его совершения и пр. Но такое формирование преступного умысла не рассматривается как стадия в развитии преступной деятельности, поскольку основанием уголовной ответственности может быть только преступное поведение. Пока замысел остается в пределах внутреннего развития, не воплощаясь в общественно опасном поведении, он не подлежит уголовно-правовой оценке.

Если предварительная преступная деятельность виновного может начинаться с формирования преступного умысла, то уголовно-правовой оценке подлежит только та деятельность лица, которая непосредственно направлена на совершение задуманного преступления. Такая деятельность по реализации преступного замысла получила в науке название "стадий совершения умышленного преступления". Таким образом, согласно устоявшимся теоретическим традициям, стадии совершения преступления являются уголовно значимыми этапами в его развитии.

В свою очередь, стадии совершения умышленного преступления – это этапы осуществления лицом своего замысла на преступление, проявляющегося во внешнем его поведении. Стадии преступления различаются между собой объемом выполнения данного замысла. Следовательно, стадии совершения преступления отграничиваются друг от друга, в первую очередь, по степени и объему исполнения виновным объективной стороны преступления. Традиционно в теории и законодательстве выделяются две стадии совершения преступления - приготовление к преступлению и покушение на преступление. В международном уголовном праве также существует указание на то, что лицо может быть подвергнуто ответственности не только по факту оконченого преступления, но и в ситуациях, когда задуманное и реализуемое преступление не было доведено до конца по каким-то причинам, не зависящим от воли субъекта.

В то же время особенностью международного уголовного права является то, что его источники всегда специально указывают на то, какая стадия совершения преступления может подлежать уголовно-правовой оценке.

Так, ст. 6 устава Нюрнбергского трибунала устанавливает преступность "заговора" и "общего плана", направленных на осуществление акта агрессивной войны. Обычно в литературе утверждается, что такое планирование преступления или сговор с целью его последующего совершения расцениваются как самостоятельные составы, образующие в совокупности преступление агрессии. Позволим не согласиться полностью с этим мнением.

В ст. 6 устава Нюрнбергского трибунала в качестве преступных указываются: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, а равно - войны в нарушение своих международных обязательств. Все это вполне определенные действия, понимание которых нашло свое отражение в решении трибунала. Возникает вопрос - а что же тогда из себя представляет "общий план" или "заговор" при планировании или подготовке агрессии? В силу отсутствия конкретного юридического содержания этих форм поведения и их направленности на обеспечение иных действий, образующих объективную сторону агрессивной войны, представляется, что наличие заговора или "общего" плана (в отличие от "планирования" как деяния) является скорее приготовлением к совершению этого преступления.

Это предположение подтверждается указанием ст. III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в которой, наряду с осуществлением акта геноцида (как оконченого преступления) и покушения на совершение геноцида, прямо говорится о преступности "заговора с целью совершения геноцида".

В данном случае буквальное толкование положений названной Конвенции позволяет сделать вполне определенный вывод - при заговоре только определяется цель совершения преступления, но начала реального его осуществления (т.е. исполнения объективной стороны) еще не произошло.

С точки зрения теории уголовного права, такая стадия совершения преступления, когда лицо (лица) совершили какие-либо действия по подготовке к совершению преступления, но объективная сторона самого этого преступления не начала исполняться, расценивается как приготовление к преступлению.

Таким образом, международное право знает стадию приготовления к преступлению, которая выражается в достижении "заговора" (сговора) с целью последующего совершения преступления.

Надо констатировать, что установление преступности приготовления к преступлению в международном уголовном праве является исключительно редким явлением, и введение ответственности за приготовление к тем или иным преступлениям обусловлено, по всей видимости, исключительно тяжким характером последних.

А вот покушение на преступление очень хорошо известно международному уголовному праву. При этом речь в источниках может идти о покушении как таковом либо о "попытке" совершения деяния (например, при захвате воздушного судна - п. "а" ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; захвате заложника - ч. 2 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников и т.д.)

"Попытка" совершения преступного деяния есть ничто иное, как стадия покушения на его совершения, при котором желаемый результат (исполнение деяния полностью либо наступление желаемых последствий) не достигнут вопреки воле лица.

Таким образом, в международном уголовном праве преступность той или иной стадии совершения преступления устанавливается применительно к каждому деянию. По общему правилу, преступным признается покушение на преступление, а в исключительных случаях - и приготовление к нему (в форме "заговора на совершение преступления"). При этом в самих нормах международного уголовного права отсутствует какое-либо обязательное правило о дифференциации ответственности за оконченное и неоконченное преступление.

Вместе с тем современному международному уголовному праву известен также институт *добровольного отказа* от доведения преступления до конца.

Так, в соответствии с п. "е" ч. 3 Римского Статута Международного уголовного суда, лицо освобождается от наказания, если "отказывается от попытки совершить преступление". При этом для освобождения от наказания по этому основанию должны быть соблюдены следующие требования:

- предотвращено "завершение преступления" (т.е. отказ возможен только при неоконченном преступлении);
- лицо полностью и добровольно "отказалось от преступной цели" (т.е. должны быть установлены критерии отсутствия вынужденности отказа и наличия у лица реальной возможности довести задуманное преступление до окончания).

Если начатое преступление, от доведения которого до "завершения" лицо отказалось, но преступление все же стало оконченным (по различным причинам - например, в силу развития причинной связи, несвоевременности самого отказа и пр.), такое лицо не освобождается от наказания.

Соучастие в преступлении по международному уголовному праву.

В теории уголовного права под соучастием в совершении преступления обычно понимается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. При этом обычно выделяются объективные признаки соучастия (совершение преступления двумя и более лицами, являющихся субъектами преступления; совместность деятельности двух и более лиц при совершении преступления; Общий для соучастников преступный результат, находящийся в причинной связи с действиями всех соучастников) и его субъективные признаки (взаимная осведомленность соучастников о совместных действиях, т.е. двухсторонняя субъективная связь между собой; общность умысла соучастников в совершении преступления - причем мотивы и цели соучастников в совершении одного и того же преступления могут быть различными). Отсутствие хотя бы одного из названных объективных или субъективных признаков исключает юридическое соучастие в преступлении.

Институт соучастия хорошо знаком международному уголовному праву. Представляется обоснованным утверждение о том, что соучастие в международном уголовном праве характеризуется практически теми же основными признаками. Действительно, в силу ч. 3

ст. 25 римского статута Международного уголовного суда, для соучастия в преступлении характерны следующие признаки:

- лицо "совместно с другим лицом" совершает преступление или покушение на преступление (п. "а");
- при совершении преступления группой лиц они действуют "с общей целью" (п. "d");
- лицо осознает "умысел группы" на совершение конкретного преступления (п. "d").

Международно-правовые акты обычно не выделяют отдельных видов соучастников - в них чаще указывается, что ответственности подлежит любое лицо, которое "принимает участие в качестве сообщника любого лица, которое совершает или пытается совершить" преступление либо просто "является соучастником лица", совершающего деяние или покушение на деяние.

Более поздние акты международного уголовного права более конкретно говорят о допускаемых видах соучастников в совершении преступления.

Так, в соответствии со ст. 25 Римского Статута международного уголовного суда, подлежит уголовной ответственности лицо, которое:

- совершает преступление индивидуально или совместно с другими лицами (п. "а");
- приказывает, подстрекает или побуждает совершить преступление (если такое преступление все же совершается или имеет место покушение на его совершение - п. "b");
- с целью облегчить совершение такого преступления пособничает или иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая "предоставление средств для его совершения" (п. "с").

Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала прямо говорит о существовании таких видов соучастников, как руководитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Таким образом, в международном уголовном праве можно говорить о пяти самостоятельных видах соучастников преступления:

Исполнитель преступления - лицо, непосредственно совершившее преступление или покушение на преступление самостоятельно либо совместно с другими лицами. Особенность роли исполнителя международного преступления зачастую заключается в том, что "он действует не только сам, но и при помощи сложного исполнительного аппарата... Возникает весьма своеобразная правовая ситуация: основной исполнитель преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей" (**8, стр. 47**).

Организатор преступления - лицо, которое организует совершение преступления или покушения на преступление, то есть не просто склоняет другое лицо к преступлению, а планирует совершение последнего (например, подбирает соучастников).

Руководитель преступления - лицо, руководящее непосредственным совершением преступления в качестве распорядителя преступной деятельности других соучастников. При этом традиционно считается, что фигура организатора и руководителя преступления в международном уголовном праве опаснее нежели фигура исполнителя.

Подстрекатель к преступлению - лицо, склонившее другое лицо (исполнителя) к совершению преступления или покушения на преступление путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (в том числе, отдав такому лицу незаконный приказ). Однако, международное уголовное право знает случаи, когда подстрекательская по форме деятельность расценивается как преступление (так, например преступлением является "прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида" - п. "с" ст. III Конвенции о геноциде). *Пособник* в совершении преступления - лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления,

следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Действия всех соучастников, не являющихся исполнителями, характеризуются "сознательным содействием совершению преступления" - то есть совершаются с прямым умыслом. Пределы ответственности соучастников, не являющихся исполнителями преступления, основаны на доктрине ограниченного акцессорного соучастия. То есть, их ответственность, по общему правилу, зависит от того, совершил ли исполнитель преступления или покушение на преступление. Так, в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала указано, что "руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора ... несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана". То есть, если исполнитель по какой-либо причине не совершил того преступления (покушения на преступление), на что были направлены усилия подстрекателя, пособника, организатора или руководителя, то последние вряд ли будут подлежать ответственности. Другое дело, что все соучастники должны нести ответственность за фактически совершенные ими деяния, без обязательной "привязки" к действиям исполнителя - но для этого необходимо соответствующее изменение в нормы международного уголовного права.

В то же время ограниченность акцессорности при регламентации уголовной ответственности соучастников состоит в том, что в ряде случаев деятельность других соучастников (не являющихся исполнителями преступления или покушения на преступление) подлежит самостоятельной правовой оценке (например, "прямое и публичное" подстрекательство к геноциду). Так как международное уголовное право знает пять видов соучастников, то по своему содержанию вполне допустимо как простое соучастие (соисполнительство), так и сложное соучастие (наличие наряду с исполнителем других соучастников). В каких формах может существовать соучастие в международном уголовном праве? В источниках речь идет о "*группе лиц*" - при этом отсутствует указание на то, имеется ли в такой группе предварительный сговор или нет. В принципе, допускается существование группы лиц как без предварительного сговора, так и с наличием предварительного сговора. Хотя, в силу специфики преступлений по международному уголовному праву, весьма маловероятно совершение преступления группой лиц безо всякой предварительной договоренности (в порядке эффекта "присоединения" к уже начавшемуся преступлению).

Наконец, в ст. 9 устава Нюрнбергского трибунала указывается на существование такой формы соучастия в международном уголовном праве как *преступная организация*. В теории уголовного права (а источники признаков такой организации практически не определяют) обычно считается, что основным признаком преступной организации - это ее сплоченность, которую образуют следующие элементы: жесткая организационно-управленческая структура; устойчивый, планируемый, характер деятельности; самостоятельная экономическая деятельность; распространение своего влияния на определенной территории; заранее планируемое преступное поведение.

Итак, институт соучастия в международном уголовном праве находит свое выражение в юридическом определении пяти видов соучастников (исполнитель, организатор, руководитель, подстрекатель, пособник) и признании двух форм соучастия: группы лиц (как соисполнителей, так и со сложным соучастием) и преступной организации. Ответственность соучастников, не являющихся исполнителями, строится в соответствии с принципом ограниченной акцессорности.

3. Пределы ответственности физических лиц в международном уголовном праве. Принцип *ne bis in idem*

Пределы ответственности физических лиц по международному уголовному праву связаны с принципом *ne bis in idem*.

Принцип *ne bis in idem* - один из фундаментальных принципов, отражающий "справедливость" международного уголовного права и запрещающий повторное осуждение лица за совершение одного преступления по международному уголовному праву. В наиболее завершенном виде этот принцип содержится в ст. 9 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и состоит из двух частей:

1. Никто не может быть привлечен к ответственности и подвергнут наказанию за преступление, за совершение которого лицо было осуждено или оправдано любым международным судом;

2. Никто не может быть привлечен к ответственности и подвергнут наказанию за совершение преступления, за которое данное лицо было уже осуждено или оправдано. Если национальный суд вынес обвинительный приговор, то требуется условие приведения его в исполнение.

Определяя этот принцип, Комиссия международного права ООН исходила из того факта, что одно преступление может порождать только одно последствие в виде наказания. В противном случае репрессия международного уголовного права была бы ничем не ограничена. Справедливость в уголовном праве, выражающаяся в возможности однократной ответственности за одно преступление, "аккумулирует" в себе другие важнейшие принципы - ведь все они характеризуют определенный аспект справедливости в уголовном праве, без которой нет справедливости права в целом. Таким образом, справедливость можно рассматривать и как обобщающий принцип, и как обобщающее начало уголовного права. Думается, что такое положение вещей полностью характерно и для международного уголовного права. Однако, имеются вполне определенные юридические последствия такого формулирования принципа справедливости. Факт совершения преступления по международному уголовному праву влечет обязанность лица подвергнуться репрессии - при этом (чаще) как по международному уголовному, так и по национальному уголовному праву (ведь в большинстве государств нормы международного уголовного права имплементированы в национальное законодательство). И в этом случае принцип "нельзя судить дважды за одно и то же" становится своеобразным регулятором возникновения, развития и реализации международного уголовного правоотношения. Действительно, если к виновному в совершении преступления применена норма национального уголовного права, то в силу этого принципа он уже не может подвергаться репрессии по международному уголовному праву, как и наоборот. И здесь принцип справедливости является краеугольным камнем в понимании самого характера правоотношения в международном уголовном праве (подробнее вопрос о правоотношении в международном уголовном праве будет рассмотрен ниже). *Исключения.* В силу того, что данный принцип олицетворяет собой справедливость, то международное уголовное право делает из него прямые исключения по причине "несправедливого" применения уголовного права (международного или национального).

1. В статье 20 Римского Статута Международного уголовного суда (ч. 3) имеется указание на возможность повторного проведения судебной процедуры в Международном Суде в отношении лица, если национальный (или иной) суд был явно несправедлив и:

- а) разбирательство в нем "предназначалось для того, чтобы оградить лицо от ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда";
- б) процесс был иным образом проведен не независимо или небеспристрастно при отсутствии реальной цели "предать соответствующее лицо правосудию".

При этом наличие или отсутствие оснований для применения этих исключительных положений находятся полностью на усмотрении Международного Суда. Подобное положение юридически допустимо, так как основанием повторного предания суду (но уже международному) является факт неосуждения лица национальным судом за

предположительно совершенное им преступление. Действительно, ведь рассматриваемый принцип подразумевает в итоге не невозможность повторного предания суду за совершенное преступление, а невозможность факта повторного осуждения лица за одно и то же преступление. Тем более, что основанием неосуждения может явиться "искусственная" квалификация преступления по международному уголовному праву как общеуголовного.

2. В соответствии с ч. 4 ст. 9 Проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, лицо, преданное национальному суду и осужденное в одной стране, может быть повторно предано суду и осуждено в другом государстве при следующих условиях:

а) если деяние, которое являлось основанием для приговора, вынесенного иностранным судом, имело место на территории данного государства;

б) если данное государство является "основной жертвой преступления". Данное исключение (пока, правда еще только предполагаемое - ведь оно содержится в Проекте Кодекса) не имеет под собой формально-юридических оснований, так как негативная юридическая оценка деянию уже содержится в обвинительном приговоре другого суда. "Повторное признание виновным" другим судом всего лишь требует учета меры наказания, вынесенной первым судом. С другой стороны, подобные установления прямо противоречат действующим международным нормам. Так, например, в соответствии с Европейской конвенцией о передаче судопроизводства по уголовным делам (1972 г.), лицо, в отношении которого вынесен окончательный приговор, не может за то же самое деяние ни преследоваться, ни быть приговоренным, ни подвергнуться наказанию в другом государстве.

4. Проблема ответственности юридических лиц и государства в международном уголовном праве

В литературе имеются указания на необходимость признания юридических лиц субъектами преступлений по международному уголовному праву (**7, стр. 32**).

Более того, в Руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового экономического порядка (1985 г.) имеется следующее предписание: "Государства-члены должны рассматривать вопрос о предусмотренности уголовной ответственности не только для лиц, действовавших от имени какого-либо учреждения, корпорации или предприятия ... но и для самого учреждения, корпорации или предприятия путем выработки соответствующих мер предупреждения их возможных преступных действий и наказания за них".

Итак, международный документ признает, что юридическое лицо может совершить преступление. Но как это лицо будет нести ответственность? Этот же документ требует установить ответственность для юридического лица только в рамках национального закона - и при этом ничего не говорится о том, возможна ли ответственность по международному уголовному праву. Понятно, что ответственность юридического лица вполне допустима по международному праву (например, материальная) - но об уголовной ответственности по международному праву речь идти не может. По крайней мере, на текущий момент. В принципе, в международном уголовном праве возможно установление именно уголовной ответственности юридических лиц - но это дело будущего. Как известно, юридические лица являются субъектами преступления в уголовном праве многих государств (США, Франции и других); нередко (особенно в последнее время) ставится вопрос о необходимости установления ответственности юридических лиц в российском уголовном праве. Но, в любом случае, о юридическом лице как субъекте преступления по международному уголовному праву однозначно говорить на настоящий момент не приходится. Мы полагаем, что юридические лица должны быть признаны официально и бесспорно субъектом ответственности по международному уголовному

праву: такое признание позволит более последовательно и эффективно реализовывать задачи международного уголовного права как в международной, так и в национальной юрисдикции. Практически таким же образом обстоит дело и с признанием государства субъектом преступления по международному уголовному праву. Очевидно, что многие преступления против мира и безопасности человечества совершаются от лица государства (например, развязывание и ведение агрессивной войны). Но может ли государство нести уголовную ответственность?

Не смотря на различные точки зрения, нормы международного права не предусматривают ответственность государства по международному уголовному праву как таковой. Так, например, ст. 5 Определения агрессии от 14 декабря 1974 г. устанавливает только "международную ответственность" государства за агрессивную войну против мира и безопасности человечества. Вполне можно согласиться с мнением о том, что общепризнанный в настоящее время в международном праве принцип международной уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и безопасности человечества является важным и необходимым дополнением института международной ответственности государства тяжкие международные преступления (**6, стр. 96-97**).

Тем не менее, вопрос ответственности государства за международные преступления вызывает много разногласий. В отличие от ответственности индивида они обусловлены не отсутствием согласия по вопросу о правовом происхождении ответственности (юридическая ответственность государства может быть только международно-правовой), а разным подходом к содержанию ответственности за международные преступления (конкретному перечню мер — исходя из их направленности) и оценке характера (является ли она уголовной, политической, моральной и т. п.). Хотя сама возможность несения государством ответственности за совершение международных преступлений является также общепризнанной (Bassioni, Draft, стр. 48). Отказ от исключительно цивилистического понимания международной ответственности государств и невозможность при помощи одного института международной уголовной ответственности индивида предупредить совершение международных преступлений приводят к тому, что идея особого режима международной ответственности государства за совершение международных преступлений и создания международного юрисдикционного органа для ее реализации продолжает оставаться популярной.

Комитет по уголовной юстиции 1951 г. при обсуждении статьи 25 проекта Статута Международного уголовного суда ограничил персональную подсудность физическими лицами, отметив, что «ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер» и «не дело суда решать подобные вопросы».

В 1983 г. Комиссия международного права, возобновив рассмотрение темы проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, попросила Генеральную Ассамблею уточнить, входит ли государство в число субъектов права, которым может быть вменена международная уголовная ответственность, «ввиду политического характера этой проблемы». В 1984 г. Комиссия международного права решила ограничить проект на нынешнем этапе уголовной ответственностью индивидов, что не препятствует последующему рассмотрению возможности применения к государствам понятия международной уголовной ответственности (**2, стр. 45-50**). В проект Кодекса включена специальная статья 4 «Ответственность государств», которая устанавливает, что «ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренная в настоящем Кодексе, никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву». Специальным предметом рассмотрения эта проблема стала в связи с проектом статей об ответственности государств, который был принят Комиссией в первом чтении в 1996 г.

В отношении последствий международных преступлений Комиссия международного права признала, что они влекут за собой все юридические последствия международно-

противоправных деяний, а также дополнительные последствия (ст. 51). В качестве особых последствий международных преступлений Комиссия признала, что реституция в случае международного преступления не производится лишь в случаях, когда она материально невозможна или влечет за собой нарушение нормы *jus cogens*, а при получении сатисфакции потерпевшим государством правомерно выдвижение даже таких требований, которые наносят ущерб достоинству государства-правонарушителя (ст. 52). В дополнение в проекте содержатся обязательства для всех государств не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате международного преступления, не оказывать помощь или содействие государству, совершившему преступление, в сохранении этой ситуации, сотрудничать с другими государствами в выполнении этих обязательств и в осуществлении мер, направленных на ликвидацию последствий преступления. В уже существующих и действующих международных конвенциях, посвященных борьбе с международными преступлениями, проблема ответственности государств не решена, что справедливо рассматривается как их существенный недостаток. Вполне естественно, что такая ситуация в международном праве вызывает серьезные разногласия и в доктрине по поводу ответственности государств за международные преступления. В доктрине существует довольно влиятельное направление, признающее уголовный характер такой ответственности. Большое значение концепции уголовной ответственности государства для поддержания мира связывается с возможностью замены права победителя, права сильного на право справедливости. Теория уголовной ответственности государств базируется на данных психологии коллективов и социологии тех лет с исходным принципом существования групповой воли, отличной от воли членов, составляющих группу. В качестве одного из возражений против концепции уголовной ответственности государств приводится тезис, что в случае ее признания «вся тяжесть правовых последствий ложится не на виновных, а на все население, за действия преступной клики должен отвечать народ» (2, стр. 51-65). В качестве доказательства необходимости распространения уголовной ответственности на весь народ приводятся тезисы, что народ должен был и мог предупредить совершение преступления, а также, что такой подход к ответственности народа будет служить сдерживающим фактором для инициаторов преступления и побудительным фактором для народа принять меры для предупреждения преступления. Подобная концепция имеет скорее моральную, чем юридическую, ценность и преследует цель осудить со стороны международного сообщества преступное поведение. Фактом является отсутствие специальных мер и механизма по их осуществлению в отношении народа, отличающихся от ответственности индивидов, их объединений, государств за совершение международных преступлений. Народ действительно претерпевает определенные и весьма значительные лишения, но с юридической точки зрения обязательства, вытекающие из ответственности, налагаются только на государство.

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить, что идея уголовной ответственности государств обуславливается практической ценностью этой идеи — не оставить безнаказанным государство, обычно основной субъект международных преступлений: в качестве главной цели этой концепции можно считать обоснование специального режима ответственности государств за международные преступления, стремление выделить ее из общей теории ответственности государств за действия, нарушающие международное право. При этом используются различные элементы института ответственности для выделения ответственности именно за преступления: подчеркивание сугубо принудительного характера такой ответственности, практически исключая возможность согласия преступного государства на ее реализацию; акцент на процедуре принятия решения в отношении такого государства и на органе, уполномоченном принимать такие решения, а именно судебном органе.

Таким образом, государство может совершить преступление в международном праве, но не может подвергаться ответственности по международному уголовному праву, неся

международно-правовую ответственность. В данном не совпадают понятия "субъект преступления" и "субъект ответственности". И, наконец, ст. 5 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества прямо указывает на то, что государства несут ответственность только по международному праву. Тем более, что "ни одно положение ... касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву" (ч. 2 ст. 25 Римского Статута Международного уголовного суда). Таким образом, концепция уголовной ответственности государств существует лишь в доктринальных разработках. По этим причинам практическое осуществление в настоящее время уголовной ответственности государств невозможно.

5. Литература

1. *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву. – М., 2002. – С. 19-22.
2. *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд. – М., 1998. – С. 42-69.
3. *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право. – Спб., 2003. – С. 65-90, 110-134.
4. *Кибальник А.* Ответственность в международном уголовном праве // Уголовное право. – 2003. - № 2. – С. 39-41.
5. *Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В.Н. Кудрявцева.* – М., 1999. – С. 90-125.
6. *Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледах, И.И. Лукашук.* – М., 1995. – С. 96-115.
7. *Панов В.П.* Международное уголовное право. – М., 1997. – С. 19-38.
8. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. – М., 1969. – С. 42-60.

1. Құлдық және құл саудасы халықаралық сипаттағы қылмыс ретінде
2. Халықаралық құқықтағы құлдықтың түсінігі.
3. Құлдыққа ұқсас институттардың (жағдайлардың) және әдеттердің (обычай) түсінігі
4. Мемлекеттердің құлдық және құл саудасымен күрес саласындағы халықаралық міндеттемелері
5. Құлдықпен күреске байланысты ҚР заңнамасы

Литература:

1. Конвенция о рабстве 1926 г. / Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 1998.
2. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. / Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 1998.
3. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972.
4. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М., 1999.

С разрушением рабовладельческой общественно-экономической формации рабство и работорговля не исчезли, а сохранились и модифицировались. Стоит заметить, что они существуют и сегодня как позор человеческого общества, несмотря на крах колониальной системы, политическое и моральное осуждение колониализма.

Работорговля начиналась с насильственного захвата аборигенов Африки, значительной части Австралии, Азии, островов Тихого океана, Карибского бассейна и других районов. В некоторых случаях будущие рабы покупались работорговцами за бесценок у местных властей. Насилие и покупка людей за бесценок — вот наиболее распространенные способы приобретения будущих рабов для последующей продажи или использования на собственных плантациях либо на каком-то производстве.

Объективная характеристика рабства — содержание в неволе людей, захваченных работорговцами или приобретенных кем-либо у них в целях эксплуатации. Преступлением будет и обмен рабами между уже владеющими ими рабовладельцами либо их продажа и перепродажа. Раб, по идеологии работорговцев, не человек, а вещь, существо, не имеющее никаких прав.

Работорговля как специфический промысел процветала в XVIII — XX вв. Победа Севера в Гражданской войне в США привела к отмене рабства, сокращению рынка сбыта рабов. Первым торговлю неграми осудил Венский конгресс 1815 г. Затем в 1818 г. в Аахене такая торговля была запрещена и признана преступной. Несмотря на это, рабство и работорговля длительное время продолжали оставаться прибыльным промыслом.

При этом борьба с данным позорным для человеческого общества явлением продолжалась. В 1890 г. на Брюссельской конференции был выработан акт, предусматривающий конкретные меры борьбы с работорговлей. Был установлен "подозрительный пояс", куда попали западная часть Индийского океана, Красное море и Персидский залив как артерии, через которые из Африки шли караваны с человеческим товаром. Военные корабли договаривающихся сторон получили право задерживать и осматривать в этом районе все подозрительные суда.

Следует отметить односторонний характер данных мер. Исходя из анализа объективной характеристики того вида преступлений, на борьбу с которыми направлен акт Брюссельской конференции, преступной признавалась исключительно работорговля, а не само рабство. Лишь в XX в. появились международно-правовые документы, запрещающие не только работорговлю, но и само рабство. Здесь следует отметить последовательную позицию в этом вопросе бывшего СССР. Важно заметить, что одним из таких важных документов будет Конвенция о рабстве от 25 сентября 1926 г. Правда, она нередко игнорировалась многими государствами, по-прежнему закрывавшими глаза на этот преступный бизнес.

В Конвенции дано определение рабства: "Состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них". Конечно, для уголовного закона, это, мягко говоря, не очень четкая характеристика, но суть ее очевидна: она не допускает, чтобы человек был чьей-либо собственностью. Внутренний закон государства может пойти и по пути дальнейшего раскрытия содержания этого термина, а может ограничиться понятием "рабство" и просто установить наказание за это преступление.

После второй мировой войны начался бурный процесс освобождения народов от колониальной зависимости и рабства. Были приняты документы, фиксирующие это положение. Статья 4 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. говорит: "Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещаются во всех их видах".

Несмотря на все данные запреты, Международная конференция по правам человека несколько лет тому назад констатировала, что в мире насчитывается 9 млн рабов.

Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС) в одной из своих резолюций (1126/1 окт.) 1966 г. внес дополнения в понятие рабства. К рабству отнесена практика апартеида и колониализма. Стоит сказать - политически это в общем верно, но возникает несколько правовых вопросов. Не могут быть одним составом преступления, хотя и сходные, но разные по своим объективным характеристикам деяния. Понятие "колониализм" шире, чем рабство и апартеид. Понятия рабства и апартеида тоже не совпадают. Поэтому в международном уголовном законе должно быть три разных состава преступления, хотя политическая их характеристика может быть единой.

Отметим, что теперь о составе преступления "работорговля". Стоит заметить, что оно производно от рабства. Работорговля есть перевозка или попытка перевезти рабов из одной страны в другую, а также продажа их либо обмен с целью получить материальную или иную выгоду. В случае если данные признаки отсутствуют, — нет состава преступления работорговли. Стоит заметить, что она может существовать самостоятельно, когда кто-либо занимается данным промыслом, но может быть составной частью рабства, если данным промыслом занимаются те же, кто эксплуатирует рабов.

Современное общество рождает новые, скрытые формы работорговли, сходные с другими преступлениями международного характера, что важно иметь в виду для их отграничения.

Так, во многих странах процветает бизнес по продаже дешевой рабочей силы. Продавец получает немалую прибыль за посредническую деятельность. В этом подобные деяния сходны с работорговлей. Отграничение здесь следует проводить по такому признаку: если "дешевая рабочая сила" становится собственностью покупателя — налицо рабство, если нет, — имеется состав преступления "торговля людьми", но не работорговля.

Специфической формой работорговли в подавляющем большинстве случаев следует считать похищение и последующую продажу детей. Во многих странах Запада, Востока и Юга, полуофициально сложился "черный рынок" по продаже детей. Ребенок практически всегда становится собственностью покупателя, во всяком случае, до своего совершеннолетия. Этот вид работорговли также следует считать международным преступлением.

Сохраняется в мире и торговля женщинами, в частности, для занятия проституцией. Аналогично тому как и в случае продажи дешевой рабочей силы, когда речь идет о продаже женщины в собственность покупателя, данное преступление также может квалифицироваться как работорговля.

Сходными с рабством могут быть и сохраняющиеся в ряде стран брачные обычаи, ставящие женщину по существу в положение рабыни. В Дополнительной конвенции, принятой в 1956 г. в Женеве, среди обычаев, сходных с рабством, поименован принудительный труд, что означает признание его использования преступлением. В 1930 г. была принята Конвенция МОТ № 29 относительно принудительного и так называемого обязательного труда, которая определяет его как состояние человека, в связи с которым он реализует "всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг". Насилие, угроза наказания — вот те "движущие" силы, которыми человек принуждается к труду или выполнению какой-либо работы.

Небезынтересно, что Конвенция МОТ, провозгласив цель — упразднить принудительный и обязательный труд во всех его формах, установила и переходный к его ликвидации срок — пять лет. С тех пор прошло уже много пятилетий, а принудительный труд процветает скрыто и открыто во многих государствах.

Конвенция предусмотрела исключения из понятия принудительного труда, если выполняется: 1) работа или служба, требуемая в силу закона об обязательной военной службе и применяемая для работ чисто военного характера; 2) всякая работа являющаяся частью обычных гражданских обязанностей граждан полностью самоуправляющейся страны; 3) всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица по приговору, вынесенному компетентным судом, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ; 4) всякая работа или служба, требуемая в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях войны или бедствия, как-то: пожар, наводнение, голод, землетрясение, сильная эпидемия или эпизоотия, нашествие вредных животных, насекомых или паразитов, растений и вообще обстоятельства, ставящие или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения; 5) мелкие работы общинного характера, т. е. работы, которые выполняются для прямой пользы коллектива его членами и поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности данных работ.

Эти виды принудительного труда должны осуществляться под контролем государства и не должны быть традиционно связаны с удалением граждан от места их жительства. Такой труд запрещается применять для выполнения подземных работ в шахтах или в качестве наказания коллектива за преступление, совершенное кем-либо из его членов.

Мы видим стремление к четкому определению понятия "принудительный труд", к недопустимости его расширительного толкования. Названы и обстоятельства, когда труд не считается принудительным, хотя интересы общества и государства требуют необычных усилий граждан. Конвенция проводит очень важную мысль о недопустимости применять принудительный труд как наказание коллектива людей за преступления его членов. Это своеобразная реакция на случаи отступлений от принципа индивидуальной вины, что ведет к произволу. Конвенция МОТ 1930 г. — один из самых признанных международно-правовых документов: в ней участвуют 143 государства. Это говорит о растущем самосознании народов, все более отчетливо понимающих, что жизнь в человеческом обществе не может строиться на началах страха, насилия, принуждения и принижения человеческой личности, что подобные действия преступны. Рабство является древнейшим правовым институтом, представляющим собой реализацию права собственности на человека. В процессе исторического развития изменяются его специфические черты, а вместе с ними преобразуется и характер рабской зависимости. На Всемирной конференции по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и расовой нетерпимостью, организованной в Дурбане (ЮАР) в августе 2001 г., обсуждались вопросы о причинах рабства и работорговли. По результатам проведенной конференции международное сообщество признало, что рабство и работорговля являются «ужасной трагедией в истории человечества» и характеризуются как «преступление против человечества»[\[105\]](#).

В настоящее время, по оценкам экспертов ООН, в мире насчитывается около двадцати семи миллионов рабов, из них 600 тыс. граждан бывшего СССР пребывает в невольном состоянии. Ежегодная прибыль от такого бизнеса составляет семь миллиардов долларов[106]. Рабство и работорговля, наряду с наркобизнесом и торговлей оружием, выступают в качестве самых выгодных источников доходов организованных преступных формирований.

Рассматриваемое негативное явление не обошло стороной и Россию, которая в настоящий момент является благоприятной средой для преступной деятельности торговцев людьми. Как правило, работорговлей занимаются организованные преступные группировки, многие из которых сформированы на этнической основе и имеют тесные межрегиональные связи. Сегодня в Чеченской Республике, других регионах Северного и Южного Кавказа, Калмыкии и в иных субъектах Российской Федерации в положении рабов находятся тысячи людей, которые подвергаются бесчеловечной эксплуатации. Они продаются и покупаются, нелегально депортируются за границу.

Основным центром рабства и работорговли в России стал Северо-Кавказский регион. Чеченская Республика превратилась в своеобразное рабовладельческое государство, где налажен «конвейер», превращающий человека в живой товар.

В специальной литературе было проведено исследование, посвященное психологическим особенностям этнического самосознания, в котором было доказано, что в формировании личности большую роль играют религиозные обычаи и законы. Следовательно, этническое самосознание оказывает влияние на национальные процессы, обуславливая вектор развития общества, наполняя его содержательными компонентами[107]. Недооценка национальных факторов играет значительную роль в распространении рассматриваемых преступных деяний, запрещенных государственным правом, но разрешенных правом религиозным.

Людей похищают и обращают в рабство не только в Чечне, но и по всей России независимо от пола, возраста, социального положения. Основной целью дельцов является получения выкупа либо использование труда людей в качестве бесплатной рабочей силы. В Москве и некоторых других крупных городах сложилась целая индустрия нищенства: под контролем организованных преступных сообществ формируются бригады инвалидов, не имеющих легальных средств к существованию. Их поселяют в общежитии, передевают в воинский камуфляж, снабжают колясками и под видом жертв афганской либо чеченской войны направляют «под охраной» попрошайничать на оживленные магистрали, в метро и другие места. По подсчетам работников милиции, нищие «колясочники» собирают в день по 2-3 тысячи рублей каждый, из которых им остается не более 1%, а остальные деньги уходят организаторам этого циничного бизнеса[108]. Показательным также будет случай обнаруженный на Александровской птицефабрике Владимирской области, на которой четыре месяца содержались в рабстве двадцать четыре гражданина Узбекистана. Работая на этой фабрике, люди были лишены документов, удостоверяющих личность, рабочий день начинался с 7.00. и заканчивался в 23.30 без выходных. За четыре месяца работы заработная плата не выплачивалась. Люди содержались в полуразрушенном бараке, в котором отсутствовали элементарные условия для проживания[109]. И это не единичный факт.

Отечественные ученые по-разному дают юридическую оценку рабству и работорговле. Так, В.П. Панов, И.И. Лукашук, А.В. Наумов, Л.Н. Галенская относят эти деяния к преступлениям международного характера[110]. Следовательно, такие преступления в национальном законодательстве должны быть отнесены к группе преступлений против личности, и ответственность за их совершение должна предусматриваться самостоятельной уголовно-правовой нормой.

Иной точки зрения придерживается В.Н. Кудрявцев, по мнению которого мировое сообщество уже признало такие преступления международными[111]. Объективные и субъективные признаки рабства и работорговли как международного преступления

должны рассматриваться в рамках состава применения запрещенных средств и методов ведения войны. В связи с этим будет уместным рассмотреть международно-правовые документы, посвященные борьбе с рабством.

Юридическую основу борьбы с исследуемыми социально негативными явлениями составляют: Конвенция о рабстве 1926 г., Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г., Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и обычаев, сходных с рабством 1956 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

В соответствии со ст. 1 Конвенции о рабстве 1926 г. под рабством понималось «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности», а под работорговлей (торговлей невольниками) – «все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов».

Государства, подписавшие названную Конвенцию, принимали на себя обязательства постепенно и в возможно короткий срок полностью отменить рабство во всех формах, а также пресекать и предотвращать работорговлю, принимать законодательные меры, устанавливающие строгие наказания за совершение названных запрещенных деяний, оказывать содействие в борьбе за уничтожение рабства^[112].

Международно-правовые меры борьбы с рабством получили дальнейшее развитие после Второй мировой войны. Сотрудничество государств в деле противодействия рабству и работорговле стало более содержательным и последовательным в рамках Организации Объединенных Наций. С принятием Устава ООН была создана принципиально новая правовая основа для международного сотрудничества в области борьбы с рабством. При Экономическом и Социальном Совете Организации Объединенных Наций (ЭКОСОС) был создан специальный комитет по вопросам рабства, который, после соответствующих исследований, установил существование рабства в различных государствах в неприкрытой или завуалированной формах^[113]. Вслед за этим в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека 1948 г. подчеркивалось: «Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» (ст. 4).

Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г., сохраняя в силе Конвенцию о рабстве, направлена на интенсификацию национальных и международных усилий в борьбе с рассматриваемым антисоциальным явлением. В этом документе впервые было закреплено понятие раба и лица, находящегося в подневольном состоянии. Раб определялся как лицо, находящееся в положении или в состоянии рабства. А под лицом, находящимся в подневольном состоянии, понимался человек, находящийся в состоянии или в положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, сходных с рабством.

Подчеркивая злободневность исследуемой проблемы, документ перечисляет положения людей, схожие с рабством. К ним относятся:

- 1) долговая кабала, то есть положение или состояние, возникающее вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда независимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга, а также если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;
- 2) крепостное состояние, то есть такое использование земли, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица или за вознаграждение, или без такового, и не может изменить это свое состояние;

3) любой институт или обычай, в силу которых: а) женщину обещают выдать замуж без права отказа с ее стороны ее родители, опекуны, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; б) муж женщины, его семья или его клан имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом, или в) женщина после смерти мужа передается по наследству другому лицу;

4) любой институт или обычай, в силу которых ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда.

Наряду с перечисленными видами обычаев, сходных с рабством, по законам участвующих в Конвенции государств преступлениями признаются «искалечение, клеймение выжиганием или иным способом раба или лица в подневольном состоянии, чтобы отметить такое его состояние, или с целью наказания, или по какой либо иной причине». Весьма важно при этом указание на то, что Конвенция предлагает квалифицировать как работорговлю и соучастие в ней (например, посредника при купле-продаже раба). Перевозка или попытка перевозить рабов из одной страны в другую любыми транспортными средствами или соучастие в этом, согласно Конвенции, признается преступлением по законам государств - участников этой Конвенции.

В свою очередь, участвующие в Конвенции государства признали эти деяния преступлениями. Стороны приняли на себя обязательства постепенно и в возможно короткий срок полностью отменить рабство во всех формах, предотвращать и пресекать работорговлю, принимать законодательные меры, устанавливающие строгие наказания за совершение названных запрещенных деяний, оказывать содействие в борьбе за уничтожение рабства^[114].

Абсолютное запрещение рабства и работорговли подтверждено и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., где говорится о том, что «никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» (ст. 8).

Анализируя международно-правовые документы, рассматривающие рабство как преступление международного характера, мы можем определить его как поставление человека в состояние неволи, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, путем его похищения, незаконного лишения свободы, обмана или иным способом.

В уголовном законодательстве зарубежных государств рабство и работорговля также оцениваются как посягательство на свободу человека. Так, Уголовный кодекс Италии в главе 3 «О преступлениях против личной свободы» содержит ответственность за обращение в рабство (ст.600); доставку рабов для торговли и торговля ими (ст.601); отчуждение и приобретение рабов (ст.602), а также порабощение (ст.603).

Анализ международно-правовых документов позволяет сделать вывод, что преступные деяния, связанные с поставлением человека в рабство и принуждением его к рабскому труду, в национальном законодательстве должны рассматриваться в двух аспектах – в качестве международного и конвенционного преступлений. Ответственность за рабство как международное преступление должна предусматриваться в Разделе XII УК «Преступления против мира и безопасности человечества» в рамках состава «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356 УК РФ).

До декабрьской реформы 2003 г. в отечественном уголовном законодательстве отсутствовала норма об ответственности за рассматриваемое посягательство. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. в Уголовный кодекс РФ были внесены существенные изменения, к числу которых относится и установление ответственности за использование рабского труда (ст. 127² УК). Включив соответствующее деяние в систему преступлений, посягающих на личную свободу человека, законодатель выразил его конвенционную сущность и выполнил, тем самым, предписания ранее перечисленных международных документов. В ст. 127² УК РФ под использованием рабского труда

понимается «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Введение уголовной ответственности за рассматриваемое деяние символично для нашего государства, поскольку ознаменовало собой не только соблюдение предписаний международно-правовых актов, но и официальное признание того, что в России назрела необходимость борьбы с рабством при помощи уголовно-правовых механизмов.

Вместе с тем содержание вновь принятой нормы заслуживает отдельных нареканий. Так, на наш взгляд, остается необъяснимой позиция законодателя по поводу отнесения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 127² УК РФ, к категории преступлений средней тяжести, тогда как похищение человека, согласно ч. 1 ст. 126 УК, является тяжким преступлением. Напрашивается вывод, что использование рабского труда является менее общественно опасным деянием, нежели похищение человека, с чем вряд ли можно согласиться.

Буквальное толкование признаков состава ст. 127² УК позволяет утверждать, что потерпевшим от этого преступления является человек, находящийся в состоянии рабства, а, следовательно, не могут преследоваться по уголовному закону действия, состоящие в обращении человека в рабство. Возможно, законодатель исходил из того, что обращение в рабство не является настолько общественно опасным деянием, чтобы подвергать его криминализации, но, на наш взгляд, подобный подход к проблеме выглядит, как минимум, не логично.

Кроме того, вводя уголовную ответственность за использование рабского труда, законодатель не истолковал понятие «рабство», что может усложнить применение соответствующей уголовно-правовой нормы.

Следует обратить внимание, что на практике встречаются случаи, когда работодатели, используя труд подчиненных с нарушением внутригосударственного трудового законодательства в виде увеличения времени трудового дня, в целях поддержания трудовой дисциплины, в качестве дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности, угрожают им наступлением негативных последствий вплоть до увольнения при отказе выполнения такой работы. В связи с указанными обстоятельствами возникает вопрос, относятся ли перечисленные деяния виновных к использованию рабского труда, и можем ли мы их действия квалифицировать по ст. 127² УК РФ? Анализ международных документов и внутринационального законодательства позволяет сделать вывод, что подобные деяния содержат лишь некоторые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 127² УК РФ. Отличие состоит в том, что по сравнению с использованием рабского труда принуждение к труду является менее экстремальной формой эксплуатации человека, хотя правовое положение лиц, занятых принудительным трудом, и лиц, используемых в рабском труде, во многом схожи. Если в положении рабства человек практически лишен всех предоставленных свободному лицу прав, то в состоянии принудительного труда он может реализовать отдельные права: например, право на жилище, право на образование, право на частную собственность и т.д. Но при этом у подневольного лица может быть ограничена свобода выбора трудовых функций, передвижения, поскольку он обязан выполнять определенную ему работодателем деятельность и не может изменить такого положения.

Тяжким преступлением международного характера является **торговля людьми**. Этим преступлением охватываются работорговля, торговля женщинами (склонение к проституции) и детьми. Наиболее важными международно-правовыми актами, запрещающими торговлю рабами, являются Конвенция относительно рабства 1956 г., Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством (принудительный труд).

Как преступления квалифицируются не только сами рабство и работорговля, но и деяния лиц, способствующих обращению других в рабство, перевозка рабов, калечение,

клеимение других людей, склонение других лиц к отдаче себя в рабство, обмен невольников и т.п. Конвенция 1926 г. дополнена перечнем институтов и обычаев, сходных с рабством, квалификация которых уточняется в других международных соглашениях и национальных законах. В частности, преступлениями признаются:

Похищение и продажа детей с целью использования их в качестве бесплатной рабочей силы, лишение собственного имени и основных прав человека. Преступлением считается передача за вознаграждение родителями или опекунами своих детей в услужение состоятельным лицам. Обращение в домашнее рабство женщин путем выдачи их замуж за вознаграждение без права ее отказа, передача на таких же условиях замужней женщины другим лицам или по наследству. Долговая кабала в виде труда должника, не засчитываемого в погашение долга и не ограниченного продолжительностью работы и характером самого труда.

Крепостное состояние землепользователя, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого лица или за вознаграждение, или без такового и не может изменить свое состояние (ст. 1). Крепостное состояние крестьянина не может быть оправдано национальным законом. Принудительный и обязательный труд, регулируемый рамками национального законодательства. Такой труд допускается только по приговору суда, в общественных целях при ликвидации стихийных бедствий, аварий, катастроф, а равно на военной службе. Об этом же говорится в ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Однако в Конвенции МОТ №29 о принудительном или обязательном труде запрещены даже каторжные работы по приговору суда. В 1970 г. государства подписали Конвенцию о пресечении торговли женщинами, которая содержала обязательство государств наказывать за такие действия, как склонение к проституции путем обмана, насилия, угрозы; предусматривалось наказание виновных и выдача их по требованию заинтересованного государства. Начатая в марте 1999 г. совместно с Институтом ООН по вопросам преступности и правосудия Глобальная программа по борьбе против торговли людьми предусматривает комплекс мероприятий в области научных исследований и технического сотрудничества и разработку международной стратегии борьбы против торговли людьми. Цель ее заключается в том, чтобы содействовать странам вывоза, транзита и назначения в разработке совместных стратегий и эффективных и действенных мер в сфере уголовного правосудия для борьбы с торговлей людьми. Нормативную основу этой Глобальной программы составляет Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, и он же выступает в качестве практического руководства для ее осуществления. Эта Программа включает компонент сбора и анализа данных, предполагающий создание базы данных о тенденциях и потоках торговли людьми, а также передовой практике борьбы с торговлей людьми.

В последние годы в России отмечается рост фактов рабства и торговли людьми в открытой или завуалированной формах, в том числе купли-продажи женщин и детей.

4. Первым международным документом, закрепившим права человека, стал **Устав ООН**, принятый в 1945 г. В этом документе принцип уважения прав и свобод человека и гражданина назван одним из основных принципов международного права. В нем провозглашается равноправие наций, мужчин и женщин, говорится о достоинстве человеческой личности и недопустимости дискриминации по признакам пола, нации, расы, языка, религии. С учетом этого общего принципа разрабатываются соответствующие международные документы, основная работа по этому направлению ведется в рамках ООН и ее специализированных органов.

В настоящее время международные пакты и конвенции о правах человека составляют отдельную отрасль международного права. Основные международные документы,

посвященные правам человека, образуют так называемый **Международный билль о правах человека**, который состоит из 4-х основополагающих документов:

Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН, – это международный документ, который впервые в истории человечества распространил права человека на всех людей планеты. Права и свободы человека с этого момента перестали быть только внутренним делом государства. Декларация провозгласила все основные права и свободы (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные) и их гарантии, тем самым заложив основы международных пактов по правам человека. Хотя декларация как вид правового акта не является юридически обязывающим документом, Всеобщая декларация прав человека сыграла огромную идейную и политическую роль в становлении современной системы прав и свобод человека. Ее содержание было юридически закреплено в последующих международных актах.

Международный пакт о гражданских и политических правах и **Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах** были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году и вступили в силу в 1976 году. 10 лет понадобилось, чтобы их ратифицировало нужное количество государств. Эти международно-правовые акты имеют приоритет над внутренним законодательством стран-участниц, и их граждане имеют право обратиться в **Комитет по правам человека при ООН**, если ими исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Однако этот орган не принимает обязательных для государства решений. Полученная жалоба доводится до сведения соответствующего государства, и государство должно представить в Комитет письменные объяснения по существу жалобы. Роль Комитета состоит в привлечении общественного внимания к вопросу защиты прав и свобод.

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод была принята Советом Европы в 1950 году и вступила в силу в 1953 году. РФ ратифицировала данную конвенцию в 1996 году. Она содержит большинство тех прав и свобод, которые есть в Декларации, но считается наиболее разработанным юридическим документом о правах и свободах. Конвенция уточняет понимание тех или иных прав и свобод (например, есть право на жизнь, но смертная казнь по приговору суда не является нарушением права на жизнь; запрещен принудительный труд, но воинская служба по призыву или мобилизация во время стихийных бедствий не является принудительным трудом и т.д.). Эта конвенция учредила механизм защиты прав человека – **Европейский Суд по правам человека** – и установила порядок его деятельности. Жалобу в этот суд может подать гражданин той страны, которая подписала конвенцию. Жалоба может быть подана после того, как гражданин исчерпал все средства правовой защиты внутри государства. Решение суда обязательно для государства и обжалованию не подлежит.

Кроме основополагающих международных документов о правах человека, существует множество конвенций, соглашений и пактов, закрепляющих международные стандарты прав человека. К ним относятся, например:

- Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.;
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращений и наказания 1984 г.;
- конвенции и договоры, направленные на пресечение преступлений против человечества, – это международные пакты и конвенции о военных преступлениях, о геноциде, апартеиде (расовое разделение) и других видах расовой дискриминации, о запрете рабства и работорговли;
- конвенции и пакты о лицах, требующих дополнительной защиты: о беженцах, о детях, о защите женщин от насилия, от дискриминации по службе и т.д.

В настоящее время Россия участвует во всех основополагающих документах о правах человека. В 1991 году в России была принята **Декларация прав и свобод человека и гражданина**, которая стала органичной частью Конституции РК.